

ВЕЛИЧАЙШИЕ
МЕНЕДЖЕРЫ
В ИСТОРИИ

ВИКТОР МАЛЬКОВ

ВЕЛИКИЙ
РУЗВЕЛЬТ
«ЛИС В ЛЬВИНОЙ ШКУРЕ»

Москва
2018

УДК 929 Рузвельт Ф.
ББК 63.3(7Сое)-8 Рузвельт Ф.
М21

Мальков, Виктор Леонидович.

М21 Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре» / Виктор Мальков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 560 с.

ISBN 978-5-04-090372-6

«Сегодня утром я убил свою бабушку!» — этой скандальной фразой президент Рузвельт возвращал внимание отвлекшихся собеседников. Он всегда знал, как заставить себя слушать, и привык добиваться своего любой ценой. Недаром биографы называют его и «львом», и «лисом» (а может, следовало бы «лисом в львиной шкуре?»), его прославляют как спасителя демократии и проклинают как «диктатора», величают «воплощением мужества» и осуждают как политического «жонглера» и «гроссмейстера предвыборного плутовства». Полжизни проведя в инвалидном кресле, Франклин Делано Рузвельт излечил и поднял на ноги собственную страну — и сам встал рядом с Отцами-основателями, создавшими Соединенные Штаты по библейской заповеди «Встань и иди!».

Эта книга — лучшая биография настоящего гения власти, величайшего американского президента XX века (и единственного избравшегося на этот пост четыре раза!), который вытащил США из Великой депрессии и в союзе со Сталиным привел к победе во Второй мировой войне.

**УДК 929 Рузвельт Ф.
ББК 63.3(7Сое)-8 Рузвельт Ф.**

ISBN 978-5-04-090372-6

© Мальков В. Л., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ВВЕДЕНИЕ

Тема, обозначенная в названии этой книги, неисчерпаема и принадлежит к категории повышенной сложности. Хронологически она охватывает огромный период и, строго говоря, имеет прямое отношение к нашему времени. Больше полувека, насыщенных невероятными по значению и напряжению событиями. Благодаря скачку цивилизации с конца XIX века мир вступил в новое измерение. Менялось всё. Патриархальный уклад хозяйственных отношений, быт старых поместий, деревенских поселений и фабричных городов, оснащенных газовыми горелками и транспортом на лошадиной тяге, уступили место государственным законам о наемном труде, «экономике дымных труб» в освещенных огнями электрических фонарей и реклам больших городов, фантастически богатым банкирским и торговым домам, подземной железной дороге и наводнившим улицы автомобилям, воздушному транспорту. Разрыв между бедными и богатыми приобретал гигантские и все растущие размеры, порождая трущобы «внутреннего города» и роскошные пригороды олигархов. Все увеличивающийся приток иммигрантов сопровождался обострением классовых, расовых и межэтнических конфликтов.

На глазах у поколений, вошедших в период зрелости в первой трети XX века, внешний мир обретал совершенно новые очертания. Локальные конфликты перерастали в мировые войны, распадались империи, революции обретали характер цепной реакции, экономические кризисы становились все разрушительнее, а упадок культуры — прогрессирующим явлением. Усовершенствование оружия уничтожения привело к созданию атомной бомбы.

Франклин Делано Рузвельт, ставший 32-м президентом США, с юношеских лет находился в гуще этих перемен, наблюдал их с близкого расстояния и в разных географических поясах. У себя на родине в США, в Европе, в Центральной и Южной Америке. Он был их участником, а с определенного момента непременным инициатором и исполнителем тех или иных решений, в зависимости от которых объективно оказывались миллионы людей, целые народы, армии и флоты. Политическая история США с начала XX века и вплоть до конца Второй мировой войны напрямую связана с именем Рузвельта. Понятно, что найти правильные пропорции в воссоздании общего внешнего фона и не потерять связующую нить в жизнеописании личности, которая на большом отрезке времени была действующим фактором мировой истории, является делом непростым.

Но помимо трудности в передаче исторического контекста существует и другая специфическая сложность для историка, выступающего в жанре биографии. Удивление всех, кто когда-либо старался увидеть и показать во всем возможном правдоподобии незаурядную личность Рузвельта, вызывало открытие, сколь органично для окружающих его членов семьи, родных, друзей, политических единомышленников и оппонентов, ближайших помощников он входил и оставался до конца своих дней в избранную им для себя жизнь карьерного политика, государственного деятеля, президента США, Верховного главнокомандующего. Им были проявлены поразительные выдержка и самообладание, несмотря на страшный удар природы, сделавший его навсегда инвалидом, и приговор политического истеблишмента, отказавшегося в какой-то момент видеть в нем себе равного претендента на высшие должности и вообще на участие в каких-либо политических кампаниях. Загадкой для очень многих является, каким образом Рузвельту хватило сил, минуя болезненную реакцию ухода в себя, овладеть защитным механизмом от неврозов и не возводить между собой и окружающим миром невидимую стену одиночества.

Рузвельт, будучи избранным президентом США в трагическом для страны 1932 г., ухитрился при этом сохранить хладнокровие и рассудочность в условиях всеобщего страха и растерянности. Многие его современники, люди 30-40-х годов, политики, журналисты, дипломаты и военные деятели

не только вообще не замечали у него (до самых его последних дней) никаких отклонений, но порой даже напрочь забывали, что перед ними человек в инвалидной коляске, который не в состоянии самостоятельно передвигаться. Личность Рузвельта, его не типичная для американского президента мобильность, постоянные общения с народом в самых различных местах и в самое разное время, выезды на встречи в верхах в Тегеран, Ялту, Касабланку, Канаду и т.д. создавали образ абсолютно уверенного в себе человека, всегда в любых ситуациях сохранявшего уравновешенность. Какие-то черты делали его похожим на Моцарта от политики. И все же, что скрывалось за внешней личиной и высоким физическим тонусом этого жизнелюбивого, улыбающегося знаменитой улыбкой человека? Вот вопрос, который всегда будет волновать исследователей, и едва ли кто-либо сегодня может сказать, что знает на него исчерпывающий ответ.

В англоязычной литературе существует большое число работ историков, экономистов, социологов и писателей о Рузвельте. Право называться классическим пилотным трудом принадлежит двухтомному исследованию Роберта Эммета Шервуда, одного из близких советников Рузвельта, писателя и драматурга, получившего возможность использовать материалы рузвельтовской библиотеки в Гайд-Парке и, в частности, архив Гарри Гопкинса¹. Перечень трудов отечественных авторов невелик. Но и те, что есть, написаны на вторичных источниках, т.е. преимущественно на книгах зарубежных авторов, иногда добротных, а иногда и поверхностных, конъюнктурных. Свою задачу автор предлагаемой вниманию читателя книги видит в том, чтобы по возможности полнее использовать доступные ему разнообразные архивные источники с тем, чтобы облик его героя в интерьере времени выглядел максимально достоверно. Однако достижение полного «сходства», разумеется, всегда будет оставаться лишь постоянно удаляющейся целью. Данное обстоятельство оставляет надежду, что в отечественной исторической и социологической литературе появятся новые работы о выдающемся американском политике и государственном деятеле, чье влияние и пример, в том числе и для России, так остро осознаются в наши дни.

¹ *Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. In Two volumes. N.Y., 1950.*

И еще об одном соображении, важном для понимания структурных особенностей работы, проистекающих из характера жизненного пути Франклина Д. Рузвельта. Вернемся снова к Р. Шервуду, в 1946 г. взявшему на себя миссию стать первым летописцем истории деятельности рузвельтовской администрации в годы Великой депрессии и войны и столкнувшегося с переплетением в ней двух взаимодополняющих начал. Когда знаменитый спичрайтер Рузвельта задался вопросом, как полноценнее передать эту историческую реальность, он решил обратиться за советом к Элеоноре Рузвельт, написав ей 17 мая 1946 г. о своих размышлениях: «Я убежден безоговорочно, и я знаю, что Гарри (Гопкинс. — В.М.) думал таким же образом, что история не позволяет отрывать внешнюю политику Вашего мужа от его внутренней политики, хотя в последнее время некоторые люди, кажется, стали думать, что они отделены друг от друга непроницаемой перегородкой. Американский народ никогда бы не смог оказаться подготовленным и материально, и духовно для героических свершений в годы войны, если бы мы не вели ее за полное восстановление нашей национальной веры, которая возродилась за восемь лет социального прогресса, предшествовавшего Пёрл-Харбору. История никогда не должна потерять из виду этот важный факт»¹.

Шервуд оставил свое напутствие всем будущим искателям смысловой канвы «рузвельтовской революции». Оно могло бы стать эпиграфом и к этой книге.

¹ The Houghton Library. Robert Emmet Sherwood Papers. Sherwood to Eleonore Roosevelt. May 17, 1946.

Глава I

РАННИЙ РУЗВЕЛЬТ

Путь наверх

Единственный наследник состоятельной четы Джеймса и Сары Рузвельт, представителей избранного клана аристократических семей, живущих в долине реки Гудзон, выше Покипси, вырос в поместье-маноре вблизи тихого, незаметного поселения Гайд-Парк на севере штата Нью-Йорк. В самом живописном месте лесопарка на отвесном берегу реки находился большой хорошо обустроенный в английском стиле дом с подсобными строениями, окруженный старыми дубами и вязами, цветником и яблонями, предметом зависти всей округи. Сохранившиеся навсегда яркие воспоминания самого знаменитого американца XX века были связаны с этой уютной, безмятежно спокойной жизнью баловня родителей в двухэтажном гостеприимном особняке с огромным плодоносящим садом, сбрасывающим осенью удивительные своими размерами ароматные плоды, источающие непередаваемый запах детства. Дом в Гайд-Парке обладал особым притяжением благодаря тысяче примет и знакомых предметов, и поэтому, последовательно покорив все вершины политической карьеры — от сенатора законодательного собрания штата до президента США, маленький мальчик, ставший ровно через 30 лет первым лицом в государстве, мечтал когда-нибудь вернуться в этот сад и заняться выращиванием плодовых деревьев, фермерским трудом. Если это не было столь типичным для Франклина тяготением к словесным бравадам, то можно говорить о силе наследственности. Его дед был садоводом.

При рождении и после крещения в местной церкви мальчику дали имя Франклин Делано Рузвельт. Это случилось 20 января 1882 г. Будущий президент был окружен любовью родителей и отвечал им тем же, а еще послушанием и привлекательностью в общении с частыми преподавателями, которые последовательно сменяли друг друга в доме Рузвельтов. Его отец Джеймс Рузвельт, потомок первых переселенцев из Голландии и довольно состоятельный человек, заработавший на

железнодорожном бизнесе, был хорошо известен в тех кругах, которые контролировали государственные институты в Вашингтоне, но неизменно отклонял предложения стать послом либо подключиться к большой политике, как это сделал его близкий родственник Теодор Рузвельт, ставший в 1904 г. президентом США. Сколотить солидное состояние Джеймсу Рузвельту помогли вложения в динамично развивающийся железнодорожный бизнес.

Жизни сельского эсквайра Джеймс Рузвельт отдал свое предпочтение перед тяготами деловых операций и светской круговерти. Впрочем, он сумел заставить говорить о себе большой и сплоченный клан Рузвельтов. После Гражданской войны этот красивый величественный франт, к недоумению и недовольствию родственников, вернулся в лоно Демократической партии, продемонстрировав политическую дальновзоркость и личную отвагу. Маленький Франклин внутренне уважал выбор отца, но сохранял независимость в суждениях касательно планов на будущее. Ему не нравилось внимание его горячо любимой матери к его белокурым длинным волосам, и он настоял на том, чтобы она избавила его от них. Во время прощального обеда в Белом доме, данного в 1887 г. президентом-демократом Кливлендом, сопровождавший отца пятилетний Франклин внимательно выслушал «напутствие» уходящего в отставку усталого президента, пожелавшего ему никогда не быть президентом США, но, по-видимому, не придавал серьезного значения этому эпизоду¹ (далее сноски см. в Примечаниях. — *Прим. ред.*). Мать, Сара (Салли) Делано, пыталась долгое время добиться от сына следовать советам Кливленда, сохранив его для пасторальной идиллии в стиле «гудзоновских семей», но потерпела неудачу.

Красивая и статная Сара Делано была на 26 лет моложе своего избранника, недавно овдовевшего Джеймса Рузвельта, с которым она познакомилась в 1880 г. в Нью-Йорке на обеде у Теодора Рузвельта, будущего президента США. Сару не остановило, что ее избранник имел сыновей от первого брака. Европейски образованная, она обладала волевым, даже авторитарным характером и, хотя никогда не употребляла его во вред окружающим, тем не менее до конца дней своих старалась играть роль всенепременного советника, а в критических случаях и требовательного наставника сына, невестки и внуков. Выбор

частного колледжа в Гротоне (штат Массачусетс), основанного преподобным Эндикоттом Пибоди, для подготовки Франклина к университету отчасти был связан с ее, Сарой, обычаем судить о людях согласно занимаемой ими социальной позиции. От отца она унаследовала очень солидное состояние, что позволяло ей чувствовать себя никому и ничем не обязанной материально и следовать своим правилам. Ее супруг был попроще, но оба они соблюдали верность принципу *noblesse oblige*, ставящего благородство, благовоспитанность, порядочность, верность старинным стандартам поведения во главу угла.

Сара была воспитана в духе культуры старой, доброй Англии, Гротон же, — пожалуй, в то время самый эксклюзивный, аристократический колледж в Америке — строил свою деятельность по британской модели. С системой студенческих префектов (старост), поддерживающих принцип старшинства, униформой для студентов, физическим закаливанием и церемонным прощанием с ректором и его женой перед отходом ко сну. Основатели колледжа стремились создать в нем атмосферу товарищества, способную вылепить из воспитанников личности высоких христианских помыслов, джентльменов и широко эрудированных молодых людей. Дисциплину и постоянные строгости каждодневной жизни заставляли некоторых подростков сбегать из колледжа. Но те, кто выдерживал тяготы пребывания в Гротоне, получили хорошую волевою и интеллектуальную закалку, позволившую и дальше не пасовать перед трудностями. «Пережить горести в Гротоне, замечает один из биографов Рузвельта, означало быть готовым к любым испытаниям»².

Все воспитанники испытывали огромное уважение к ректору и трепет перед ним. Много позднее Франклин Рузвельт направил письмо старому ректору, в котором, не боясь пафосности, заявил, что он (ректор) для него, президента США, значит больше, чем многие другие, за «исключением моих отца и матери». Помимо проявленной выдержки и умения находить удовольствие в спортивном тренинге и командных играх Рузвельт, не имевший опыта школьного обучения, легко усвоил искусство скрывать свои «домашние» привычки, способные сделать его изгоем в коллективе мальчишек. Он был уживчив, легко находил баланс в общении со сверстниками разного воспитания и социального происхождения, незлопамятен. Однако он не стал

слишком популярен среди воспитанников Гротона, возможно, потому только, что его дядя республиканец Теодор Рузвельт — воинствующий проповедник имперской политики и гроза олигархов, будучи избран губернатором штата Нью-Йорк, вызвал к себе неоднозначную реакцию. Пацифисты и антиимпериалисты, не уставая шельмовать покровительствующего Франклину неистового Тедди в левой печати за его геополитические взгляды, изложенные в пламенных речах в защиту американской военной мощи, экономической и территориальной экспансии, переносили критику и на его двоюродного племянника.

Окончание учебы в Гротоне для Франклина совпало с изменениями в укладе общественно-политической жизни США. Наступление поры юношества было отмечено бурной индустриализацией страны и превращением ее в мирового финансового и промышленного лидера. Невидимые нити, соединявшие его с буколическим существованием в окруженном садом родительском доме на Гудзоне, стали ослабевать, порой помыслы возмужавшего Франклина устремлялись вслед за антиолигархическими идеями Теодора Рузвельта, за бравурной деятельностью политика-экстремала, чьи помыслы о мировом доминировании Америки простирались очень далеко. В какой-то момент, еще находясь в Гротоне, Франклин даже подумывал о добровольном уходе на испано-американскую войну 1898 г., пристально следил за Бурской войной в Южной Африке, выражая сочувствие колонистам. Но даже купив в подражание Тедди пенсне в золотой оправе, Франклин культивировал в себе в противовес обожаемому дяде не почитание принципа «разделяй и властвуй» и права Америки предписывать нормы поведения другим странам «во имя свободы», а идею сотрудничества и деколонизации. Это был первый невидимый для глаз шаг к конфликту Франклина с двоюродным дядей, копией которого он быть не хотел. Узнав о том, что на президентских выборах 1912 г. Франклин Рузвельт поддержал его соперника демократа Вудро Вильсона и его программу «новой свободы», разъяренный Теодор Рузвельт назвал это предательством и объявил «перебежчику» священную войну. Раскол в клане Рузвельтов между двумя главными его ветвями стал фактом. Он не был преодолен и по прошествии десятков лет.

Но вернемся назад. Осенью 1900 г. Франклин поступил в Гарвард, а в декабре того же года случилась беда — умер го-

рячо им любимый отец. Сара Рузвельт приняла на себя все заботы о сыне, включая почти ежедневное общение с ним через переписку, функции контролера за финансовыми расходами и всем остальным, что составляет тылы молодого человека, серьезно взявшегося за учебу с целью ускоренно, экстерном преодолеть ее ступени. Мать вскоре смогла убедиться, что Франклин был весьма успешен в учебе и в университетской внеаудиторной жизни, демонстрируя заметные способности наряду с формированием широких взглядов на злободневные проблемы национальной и региональной жизни, которые на историческом переломе от XIX к XX веку настолько назрели, что, казалось, ими был пропитан воздух. Ожидание прихода новой цивилизации и требования социальной справедливости для неимущих, женщин, жертв расизма и ксенофобии вызывали у Франклина сочувствующий отклик. В своих студенческих рефератах он затрагивает вопросы, входившие в программу прогрессивных реформ, которую отстаивали реформаторы в обеих главных партиях.

Самой яркой и противоречивой фигурой из них на политической авансцене страны оказался Теодор Рузвельт. «Лихой рейнджер», писатель и публицист обличал монополии, олигархов и обещал восстановить в правах всех, кто ими был разорен, обездолен и обесчещен. Правда, полагал, что деградация низших классов есть продукт естественных законов. Его яркая победа на губернаторских выборах в штате Нью-Йорк в ноябре 1898 г. запомнилась всем и даже привела его племянника в члены республиканского клуба Гарварда. Надев на себя красную кепку, Ф. Рузвельт принял участие в факельном шествии в честь пламенного сторонника «разгребателей грязи» — противников «баронов-грабителей» и их покровителей в политических кругах Вашингтона. И в 1901 г., несмотря на усиливающиеся расхождения во взглядах с дядей, Франклин отдал свой голос республиканцам, кандидатом в вице-президенты от которых баллотировался Теодор Рузвельт. Пуля анархиста Леона Шолгоша, смертельно ранившая 6 сентября президента Уильяма МакКинли, сделала полковника «лихих рейнджеров» хозяином Белого дома³. Ни для кого так очевидно эти последовавшие одно за другим события не были столь же ясным голосом свыше, как для матери успешного студента Гарварда вдовы Джей-

мса Рузвельта, перебравшейся в Бостон, чтобы быть поближе к сыну. Но она тщательно скрывала свои предчувствия.

В ее понимании, сосредоточившись на пополнении собственного багажа знаний и посвятив всего себя помыслам повторить путь отца, Франклин мог бы рассчитывать в обозримом будущем на блестящую юридическую карьеру. Но Саре Рузвельт предстояло пережить шок: в конце 1903 г., не выполнив намеченную им самим программу обучения в Гарварде, двадцатиоднолетний Франклин Рузвельт влюбился в свою «отдаленную» (в пятом колене) девятнадцатилетнюю кузину Анну Элеонору Рузвельт, племянницу Теодора Рузвельта, в ту пору прочно завоевавшего репутацию «сильной личности», олицетворения «новой Америки», практикующей «дипломатию канонеров» и мирового арбитра.

Некоторые биографы Франклина Рузвельта полагают, что его роман, а затем и женитьба на Элеоноре Рузвельт была частью обдуманного стратегического плана⁴. Существует также поверие, что и мечтательная, серьезная и застенчивая Элеонора Рузвельт, соглашаясь на брак, руководствовалась не чувствами к молодому повесе, слышшему в обществе легкомысленным почитателем анекдотов, пирушек, лошадей и яхт, а наставлениям любящего ее дяди и опекуна Теодора Рузвельта. Каким-то будто бы седьмым чувством «дядя Тедди» надеялся на превращение «гадкого утенка» в создание, способное приручить сына Джеймса и Сары Рузвельт и сделать клан Гайд-Парка опорой и продолжателем политической «династии» Рузвельтов, своей напористостью, суперпатриотизмом и бесстрашием призванной подчеркнуть законность и необратимость амбиций «первой» державы мира, каковой на переломе веков явили себя Соединенные Штаты.

Однако ставить под сомнение влюбленность и искренность чувств молодой пары и преувеличивать значение каких-либо посторонних расчетов значит просто-напросто оказаться во власти салонных сплетен более чем вековой давности. О бескорыстии вспыхнувшего влечения Франклина к Элеоноре говорит то, что оно возникло в очень отдаленном прошлом, в доме тетки Элеоноры в 1898 г. на семейном вечере. Франклину было шестнадцать лет, Элеоноре — четырнадцать. Они танцевали, не зная, что им вскоре придется расстаться, и не задумываясь о будущем. Оба сознавали, что они не имеют права это делать.

Через два года Франклин поступил в Гарвард, а Элеонора, потерявшая и мать, и отца, была отправлена бабушкой (матерью Теодора Рузвельта) учиться в Англию, в колледж в Алленсвуде — престижном закрытом учебном заведении для девушек. Никакой переписки между молодыми людьми не было и не предполагалось. Следующая случайная встреча произошла только после возвращения Элеоноры из Англии летом 1903 г. О договоренности между ней и Франклином о чем бы то ни было не могло быть и речи.

О первой встрече все забыли, никто не «инструктировал» ни того, ни другого, никто заранее не подготавливал их к брачному союзу. Более того, окружающие и с той, и с другой стороны вплоть до конца 1903 г. не знали, что ставшие взрослыми молодые люди, признавшись друг другу в любви, встречались то в Нью-Йорке, то в Вашингтоне, то в Гротоне. «Мало кто видел, — пишет биограф Элеоноры Рузвельт, — что восхищение переросло в любовь»⁵. Сара Рузвельт, всегда имевшая самую доверительную и надежную информацию о сыне, готовая обсудить с ним любые сокровенные новости и рассчитывавшая на откровенность, записала в свой дневник в конце декабря 1903 г.: «Франклин поделился со мной совершенно поразительным заявлением». Много лет спустя она пояснила: «при нашем полном неведении» ее Франклин страстно влюбился в свою девятнадцатилетнюю очень далекую кузину и твердо объявил матери, что намерен жениться на ней без промедления. Сара пыталась возражать и делала это очень настойчиво, полагая, что время для брачного союза ее сына с Элеонорой еще не наступило и, когда оно наступит, она полюбит Элеонору и примет ее как дочь. А сейчас опасается, что «новое счастье» может заставить Франклина потерять интерес к учебе и дому. Мать проиграла эту дуэль.

Элеонора, испытывая боль, знала или догадывалась о сомнениях матери Франклина и стремилась снять их своим искренним заверением в преданности Франклину и желании исполнить любую прихоть Сары. «Вы должны знать, — писала она 9 декабря 1903 г. в по-настоящему трогательном письме к Саре, — что я всегда буду стараться исполнить любое Ваше желание»⁶. Этим она хотела сказать, что Сара не только не теряет сына, но и обретает преданную, послушную дочь. Неза-